

Догмы старые и догмы новые

Лев Айзерман,
педагог

...Зиму 1941–1942 годов я провёл в детском доме города Вольска, где разместили эвакуированных без родителей детей из Москвы. В нашей большой палате были собраны ребята разного возраста — от меня, самого младшего, до старшекласников. Вечером в палату набивалось много народу, приходили воспитатели и вожатые. Пели, разговаривали, спорили. Запомнился один эпизод. Десятиклассник вышел на середину комнаты, протянул руки вперёд и что-то долго и горячо говорил, потрясая протянутыми руками. Что он читал, я абсолютно не понял. Но почему-то запомнилась последняя фраза: «Карету мне, карету!» А вскоре я увидел заплаканные глаза наших вожатых, воспитателей, старших девочек: и этот десятиклассник, и несколько его товарищей уходили на войну... Так впервые в мою жизнь вошло «Горе от ума» — одно из самых близких и дорогих для меня произведений русской литературы (я писал о нём не раз и даже выпустил книжку об изучении «Горя от ума» в школе. На обложке этой книги было крупно написано «ГОРЕ ОТ УМА», и моя дочь долго считала, что «Горе от ума» написал её папа).

С тех пор прошла вся жизнь. Сколько было за это время спектаклей по Грибоедовской пьесе, какими непривычными были Чацкий — Юрский, Молчалин — Лавров, Софья — Доронина на сцене Большого драматического театра в постановке Георгия Товстоногова!

Но вот одно за другим читаю я сочинения о Чацком и Молчалине на заседаниях медальной комиссии — читаю эти сочинения через полвека после того, как сам окончил школу. Какие это были десятилетия! «Чему, чему свидетелями мы были!» А у меня такое ощущение, что ничего с тех пор не изменилось. Судите сами: «Именем Грибоедова открывается одна из блестящих страниц в истории русской литературы. Грибоедову удалось создать свой неповторимый мир, и этот мир запоминается на всю жизнь яростным противостоянием «века нынешнего» и «века минувшего». Защитником «века нынешнего» выступает в комедии Чацкий, страстный борец против самодержавия, представитель самого передового круга дворянской молодёжи. Молчалин же олицетворяет

комсомола), мудрёная электрическая схема, жалкие останки бабушкиной швейной машинки. Выбирай, к чему лежит душа. Времени впереди — море. Ну, пять лет как минимум. Так что ищи себя, будущий народ, ошибайся и исправляйся. Заметьте: координатор проекта, наставник, товарищ по классу, учебник, видео-, медиа-, библиотека всегда под рукой. К вашим услугам Интернет-кафе, радиорубка, медицинский кабинет, читальный зал, канцелярский офис генерального директора...

Кто-то зашёл в «Студию художественной вышивки» за коробкой карандашей, а кто-то чтобы навестить приятеля. После чего на общем сборе (стулья расставлены «глаза в глаза» — орлятским кругом) необходимо поделиться нажитым авторским опытом, освоенной темой, устроить презентацию своей работы.

Слушающий (ученик) берёт у говорящего (учителя). Так школа приучила думать. А на самом деле? Берёт тот, кто отдаёт. Дарит себя дорогим и близким современникам. По закону Шота Руставели: «Что сберёг, то навеки пропало. /Что отдал, то навеки твоё...»

Важный момент: именно здесь, на коллективном подведении итогов, частное, живое видение мира обретает панорамное, полифоничное, общественно полезное звучание и ценность.

В исторической студии у Евгении Соколовой старшеклассники с увлечением составляют кроссворды по эпохе Возрождения, пишут «Исповеди древнего римлянина», готовят уроки для младших классов. А у биолога Ольги Леонтьевой вьют... гнёзда (идея А. Тубельского) не хуже ласточек, пишут научные трактаты вроде «О влиянии табакокурения на рост волос». И непременно представляют результаты своих частных изысканий друзьям. То есть регулярно вкладываются, отчисляют персональную «валюту знаний» в общую кассу парка-студии.

Не исключено, что где-то в этой точке технология парка-школы обретает мощный воспитательный подтекст. На сцене появляются давно забытые герои: помощь, взаимовыручка, взаимообучение, сотрудничество.

Школу теперь можно «полистать». Как свежую газету

«У меня был мальчишка, который весь год в шестом классе соорудил керамическое панно — обезьяну, — говорит директор «Школы самоопределения» Александр Тубельский. — Он не ходил ни на какие другие студии, а всё лепил, сушил, раскрашивал. И всем показывал свою любимицу. И мы терпели. Потому что у него было дело, а в нашей школе мы гарантируем полную свободу совести и действий. Как мы потом поняли, эта обезьяна его спасла: мальчишка стал более

серьёзно заниматься школьными науками. Не сразу. Но увлечённо. Ведь он вложил в школу свой труд». Его изделие, кстати, до сих пор висит над школьной столовой и корчит гримасы входящим.

Кое-какие опасения, конечно, были и у самих изобретателей парка-школы. И даже не страх пустого класса, когда к педагогу вообще никто не пришёл (хотя и это чувство в сердце педагога остаётся, никуда не денешься, — зато не позволяет расслабляться, почивать на лаврах). Думали, что дети начнут учиться импульсивно, вроде как наощупь, без всякой системы. По наитию, порывами. Или, допустим, выбирать предметы и ремёсла из подросткового чувства протеста, свойственного этому возрасту духа противоречия. Не только пронизательнейший Б.Е. Немцов да въедливая преподаватель экономики рынка проф. И.М. Хакамада, но и другие далеко не глупые люди, даже знатоки детских сердец от Чернышевского до Ушинского предостерегали именно от этого «бессмысленного и беспредметного блуждания ученика» вслепую, наобум по Храму Великой Культуры.

Но... У Тубельского всё оказалось проще и разумнее. Всем детям, поступившим в парк открытых студий, **отводят две недели на знакомство с новыми классами, с новыми педагогами, кружками, предметами, друг с другом.**

Результат номер два: именно в эти две недели первых «неопытных» экскурсий по парку-школе у ребят появляются, и часто — на всю жизнь, друзья из параллельных классов, будущие «попечители» и «подопечные», учебные «братья» и «сёстры» в многомерной, разновозрастной и пёстрой школьной вертикали.

Вот какое важное изобретение!

Школу, как свежую газету, можно, оказывается, вначале повертеть в руках, перелистать с конца в начало и наоборот, неторопливо разглядеть картинки, фотографии признанных мэтров, изучить её рекламу, расписание работы. И потом только составить первое, осторожное мнение; некий, весьма пока ещё туманный план «прочтения» этой газеты.

Повертели? Теперь ребёнка анкетируют: просят отметить студии, которые особо приглянулись, высказать пожелания, задать вопросы Мастерам. И опять: не за одну секунду. Эту анкету-список из 30 студий, секций, клубов, мастерских дети несут домой и там обсуждают обстоятельно, семейно, пункт за пунктом, размечая занятость ребёнка на неделю, а то и месяц вперёд.

Мы же, признаемся без ложной скромности, настолько порою нетерпеливы в тонком деле диагностики, что анкетировав ребёнка чуть ли не с порога, на ходу. Он, бедняга, только ещё табличку над входом успел рассмотреть, сменные туфли переобуть. Куда, право, спешим? Не отдышался человек. Неужели трёхсот лет непрерывных письменно-бумажных срезов, тестов, взвешиваний и обмеров не хватило, чтобы это понять?

уходящий «век покорности и страха». В столкновении мировоззрений этих двух героев и состоит истинный смысл комедии».

...«Грибоедов внёс неоценимый вклад в развитие нашего общества. Грибоедов является звеном большой цепи писателей XIX века, одной из черт которого было присущее ему умение дать наиболее яркие эпизоды, характерные не только для одного промежутка времени, но и для всей нашей жизни... Основная проблема, затронутая в пьесе, — противоречие между «веком нынешним» и «веком минувшим», то есть между «прогрессивными элементами, движущими общество вперёд, и регрессивными, тормозящими его развитие».

Конечно, были и сочинения добротного школьные (не забудем, что я говорю о сочинениях кандидатов на золотую и серебряную медали), но и они не очень радовали, ибо при всей своей гладкости и вроде бы правильности не были отмечены личным пониманием и чувством, ничем и ни в чём не выходили за границы общепринятого стандарта: ведь так легче, проще, удобнее, спокойнее — и ученику, и учителю, и особенно вузовскому репетитору. Тем более что при поступлении в вуз, о чём мне постоянно рассказывают мои ученики, абитуриентов предупреждают: «Никаких «я думаю», «мне кажется», «по моему мнению». Пишите, как нужно». В традиционном для школы и вуза сочинении о Чацком и Молчалине выпускник и абитуриент, конечно, должен написать, что на слова Молчалина «В мои лета не должно сметь своё суждение иметь» Чацкий с презрением отвечает: «Зачем же мнения чужие только святы?» Но сам он при этом не имеет никакого права на «завиральные идеи». Разумеется, при этом литература опошляется и вместе с тем отторгается от юного читателя. «Ну, не могу, не могу я выучивать отличия между Чацким и фамусовским обществом и чтобы при этом их было ровно девять», — жаловалась после очередного занятия на курсах для поступающих моя ученица.

Да, канон есть канон. И вот уже сегодня в одном из пособий для поступающего в институт даётся типовая план сочинения на тему «Образ Чацкого»: 1. Время создания комедии, его особенности. 2. Отражение в образе Чацкого основных черт декабриста. 3. «Острый критический ум, алчущий познаний». 4. Осуждение жестокости крепостников, попытка иного ведения хозяйства. 5. Стремление служить Отечеству, быть ему полезным, неприятие карьеризма... По этому лекалу и выкроены многочисленные типографские шаргалки и рекомендации Интернета. А что ещё надо?

ДОГМЫ СТАРЫЕ И ДОГМЫ НОВЫЕ

За многие десятилетия в советской школе, как и в советском литературоведении, пьеса Грибоедова была канонизирована и догматизирована, что, естественно, не могло не породить стремления к переосмыслению. С особой силой переосмысление «Горя от ума» началось во время перестройки и после неё. Ещё вчера всех хороших писателей «трудоустраивали» в три этапа русского освободительного движения; ещё вчера Лев Толстой был для нас зеркалом русской революции. Теперь же всё бунтующее, революционное начисто отрицалось, отвергалось, крушилось, предавалось анафеме. И если вчера чеховскую чайку гримировали под горьковского буревестника, то теперь буревестников начали отстреливать, а в лучшем случае гримировать под чеховскую чайку.

Добрались и до Чацкого. В журнале «Литература в школе» А. Баженов пишет, что Чацкий — «вне традиции, вне русской культуры. Чацкий, декларирующий свою любовь к народу, в жизни только турист, наблюдающий Россию из окна кареты, и в русской деревне он будет лишь дачником».

Новый 2005 год «Литературная газета» открывает статью Игоря Золотусского «Прости, отечество!», в которой мы читаем, что «Чацкий не знает, что такое долг». То ли дело Скалозуб: «воевал с Наполеоном (причём в пехоте), имеет боевой орден». Что же касается его реплики, навсегда заклеившей Скалозуба как апостола муштры: «Я князь Григорий и вам фельдфебеля в вольтеры дам», то стоит вспомнить, кому он это говорит. Он говорит это Репетилову и адресует свой афоризм его друзьям, безбожникам и крикунам. Для него фельдфебель надёжнее Вольтера, поскольку Вольтер расшатывает, а фельдфебель бережёт».

И уже забыта блистательная статья И. Гончарова «Милльон терзаний» с её поэтизацией Чацкого. То, что Чацкий и комедия переосмысливаются, нормально и естественно. Беда в том, что на смену одному канону приходит новый канон. Меняются знаки, но сам характер мышления остаётся тем же: односторонне-догматическим, мешающим видеть литературу и жизнь объёмно, сложно, в живых противоречиях. Нам кажется, что мы стали другими, но мы всё те же.

Я вовсе не выступаю за всеобщую амнистию и всеобщую реабилитацию: то, что нельзя забыть, забыто не должно быть. И по отношению к самому себе для меня свято пушкинское: «Но строк печальных не смываю». Как сказал поэт другой эпохи: «Тут ни убавить, ни прибавить. Так это было на земле». Но для школы, для разговора

РЕФОРМА НА «КЛЕТОЧНОМ УРОВНЕ»

«Почему все школьные реформы терпят крах?» — ставит вопрос статья известного учёного в толстом заокеанском еженедельнике. И вправду, крупные национальные проекты редко сочетаются с успехами на (как пишет автор) «клеточном, даже атомарном уровне». На уровне класса, урока, ребёнка.

Набили оскомину песни о самобытности ученика, призывы уважать его достоинство, дать, наконец, ему возможность поделиться личным интеллектуальным достоянием. Но есть ли у него, недоросля десяти-четырнадцати лет, это «своё»?

Вспомним: учителя-новаторы, провозгласившие на заре перестройки принцип сотрудничества с детьми, споткнулись, по сути, о тот же бордюр: готовые знания можно закладывать в детские головы и без сотрудничества. Вот почему так важно понять: что такое этот самый личный капитал ученика — его свободное, живое знание? И невзначай увидеть: детский рисунок, вывешенный в холле всем на радость; костюм, сшитый за ночь к общему празднику; салат, приготовленный старшеклассницей в школьном кафе; сказка-урок, поставленный студийцами в «дочернем» детском саду; отремонтированная парта, декорация для школьного спектакля — всё, что можно подарить, отдать другому, пустить в общее дело, — это и есть знание в самом капитальном, персональном, социально ценном виде. А остальное можно только «взять». В том же учебнике. Однако в 90 случаях из 100 такие псевдознания в жизни, говорят, не пригождаются.

Рассказывает Алиева Наташа:

— Парк открытых студий — это отдельное государство, в нём есть весёлые и грустные, добрые и злые, умные и глупые, но каждый из этих людей имеет право высказать свою точку зрения, и это бесподобно! Ещё у парка расписания другое. Нам раздают в начале года листок с перечнем классов и студий. Мы выбираем уроки, на которые хотели бы ходить. Но любую «клетку» можно всегда поменять, если тебе что-то не понравилось. Мне кажется, что школа-парк — это пространство, которое объединяет.

Уйти или остаться?

Но мучил, что скрывать, новаторов и третий, самый парадоксальный вариант возможного развития событий. А вдруг пяти-семиклассники вовсе не захотят свободы? Останутся сидеть на хорошо обжитых, крепких, безопасных стульях государственного расписания. Или, допустим, учинят наставникам бойкот?

Автор этого проекта, известный философ и педагог Милослав Балабан (1927—2005), горячо убеждал коллег в том, что, свободно перемещаясь по открытым студиям, школьники быстро освоятся и станут активными участниками в этой

ДОГМЫ СТАРЫЕ И ДОГМЫ НОВЫЕ

маленькой модели рынка. Но скептики сомневались: а если вообще никуда не пойдут? Оккупируют свои любимые углы, уборные, чуланчики и холлы, станут травить анекдоты целыми днями и семечки лузгать. И что дальше?

Накануне первых новогодних каникул у ребят спросили: «Чему вы научились за истекшие полгода?» Думали, те станут перечислять приобретённые умения и навыки. ЗУНы, как мы говорим. А дети, не сговариваясь, твердили (в анкетах): «Мы научились **уходить** (из класса, «места обязательного заключения». — А.З.)». То есть искать свою студию, дело по интересу (таких ответов была примерно половина). Стало быть, такую студию, где можно вырезать ложку из дерева, смастерить стильный подсвечник, разделочную доску для домашнего хозяйства, починить гитару, сколотить для гостиниой журнальную полку, научиться разбивать палатку, вязать морские узлы, составлять меню для многодневного похода, проектировать большие праздники и развлекательные шоу.

И вновь слово берёт Ольга Леонтьева, биолог, кандидат педагогических наук: «Маленькие предпочитают молча из студий уходить, а вот старшие заранее предупреждают: «Я тут к вам ненадолго». Или: «Завтра, Ольга Милославовна, наверно, не увидимся. Но это не точно, утро покажет...» Это проблема для учителя, укол в какой-то мере по самолюбию профессионала. Поэтому хозяин студии настойчиво торгуется, борется за каждого клиента — своего сотрудника: «А ты, Никита, найди время, уж постарайся, дорогой, я буду тебя ждать, это полезно нам обоим».

Одни освоили науку вольных странствий по студийным лабиринтам, другие научились честно, **молча** (важное слово!) **оставаться**. Делать опять же свой выбор, несмотря на то что студию покидают друзья. Разве не так и выражается обычно взвешенная, выстраданная, зрелая воля гражданина? Вот и у Пушкина: «Никому отчёта не давать, себе лишь самому/Служить и угождать... Вот счастье! Вот права...»

Но обладаем ли мы сами, люди вполне взрослые, такой же или хотя бы близкой степенью счастливой (по Александру Сергеевичу) раскрепощённости?

Недавно на Сиреневом бульваре собирались руководители образования — организаторы «школ полного дня» почти из всех городских округов. Хозяева парка-школы пригласили уважаемых гостей, в частности, на студию черчения. Тема занятия преподавателя черчения и физики Владимира Курашова была посвящена работе над эскизом будущего книжного шкафа. О, это было нечто. Пятиклассники сели за парты вкруговую, то есть не в затылок, а глаза в глаза друг другу. И, поигрывая между делом клавишами калькуляторов, чертили, рисовали, строили макеты, уточняли площадь кабинета, отведённую под место для их творчества; изредка вежливо и тихонько, чтобы не мешать соседним группам, дополняя и поправляя коллег по проекту.

с юными важно не только то, *что* говорится, но и *как*, с какой интонацией.

Научимся ли мы говорить со своими учениками честно, правдиво и вместе с тем достойно и по-человечески? Будем ли при этом всегда помнить, что нам, сегодняшним, легко (может быть, правда, пока?) судить, рядить, выговаривать, приговаривать, что мы за сказанное нами ничего не платим и ничем не рискуем? Ахматова, Некрасов, Искандер, Розанов, Корнилов платили за всё дорогой ценой. Поэтому даже не соглашаясь с ними, их мнение уважаешь. Вырвемся ли мы из плена догматического мышления, схем, канонов, дешёвой конъюнктуры?

...Есть такая одесская байка. В порт входит теплоход «Сергей Есенин». И мальчик спрашивает маму:

- Мама, а кто такой Сергей Есенин?
- Отстань!
- Мама, ну скажи, кто же такой Сергей Есенин.
- Я же тебе сказала, чтобы ты отстал!

Тогда стоящий рядом старый одессит обращается к матери: «Мадам, но почему вы не хотите сказать ребёнку, что «Сергей Есенин» — это перекрашенный «Лазарь Каганович»?

Сколько раз мы перекрашивали нашу историю и нашу литературу. Пора, давно пора вместо того, чтобы перекрашивать, — раскрашивать, что в одном словаре толкуется, как «расписать разными красками», в другом — как «расписать краской (красками), покрасить в разные цвета», в третьем — как «расписать красками (чаще разноцветными)»...

